

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения

ИСЛАМ

на территории
бывшей
Российской
империи

Энциклопедический
словарь

Выпуск 3

Москва

Издательская фирма «Восточная литература» РАН

2001

комиссия. В 1917–1921 гг. Национальное правительством крымских татар открывало новые высшие учебные заведения и принимало меры по усовершенствованию деятельности древней духовной академии Зынджырлы *мадраса*.

В 1921 г. была образована Крымская АССР.

Насильственное выселение крымско-татарского народа в 1944 г. нанесло непоправимый урон его духовной культуре. И только в последние годы, спустя почти 50 лет с начала возвращения крымских татар на землю предков, религиозная жизнь стала налаживаться, расширяются масштабы деятельности мусульманских национально-культурных обществ.

Главное управление мусульман К. — Муфтийат. Каждые 4 года он проводит религиозный Курултай (съезд), на котором избирается муфтий К. и три его заместителя.

В начале 1999 г. в К. насчитывалось 140 действующих мечетей.

Лит-ра: *Элия Челеби*. Книга путешествия Эвлии Челеби. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641–1667). Симферополь, 1996, 55–56; *А.Кричинский*. Очерки русской политики на окраинах. Часть I. К истории религиозных притеснений крымских татар. Баку, 1919, 24–25, 43, 54–56; *А.Л.Якобсон*. Крым в средние века. [Б. м.], 1973, 119, 124; *М.А.Усманов*. Этапы исламизации Джучиева Улуса и мусульманское духовенство в татарских ханствах XIII–XVI вв. // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем Востоке в период феодализма. М., 1985, 180; *В.С.Возрин*. Исторические судьбы крымских татар. [Б. м.], 1992, 128–130, 184–185; *Крикун*. Памятники, 11–12, 66, 82; *А.Меметов*. О происхождении крымских татар и их языка // *Qasevet* (Къасевет). 24.01.1994; *Э.Акъярлы*. Азизы Крыма // Там же; *Э.Сеферов*. Отголоски древних верований у крымских татар // *Qasevet* (Къасевет). 24.01.1995; *Lütfi Osman*. Kırim Dosyası. 1997, 42–45.

Ш. К.

Кул-Шариф — мечеть в Казани (Республика Татарстан), строительство которой начато в 1997 г. Авторы композиционной идеи и генерального плана — архитекторы Ш.Латыпов, И.Ф.Сайфуллин, А.Г.Саттаров, М.В.Сафронов, объемно-пластического решения — И.Ф.Сайфуллин, С.П.Шакуров.

Здание мечети расположено в западной части Кремля, во дворе бывшего Юнкерского училища. В будущем — главная мечеть Татарстана и татарской диаспоры, должна восстановить утраченную композиционную целостность кремлевского ансамбля и призвана символизировать мирное сосуществование двух главных конфессий Татарстана. Основные идеи архитектуры мечети — возрождение государственности татар, память о защитниках Отечества.

Основу объемно-пространственной композиции составляет купольное здание с четырьмя минаретами по углам, которое символически воссоздает разрушенную много веков назад главную мечеть города Булгара — древний символ исламского Поволжья. Границы площади закрепляются павильонами-«мавзолеями», подчеркивающими мемориальную функцию комплекса.

В художественный образ всего ансамбля заложены ряд смысловых элементов, приблизивших архитектуру мечети к местным традициям, своеобразно прочитанным авторами. В основу планировки здания мечети символически лег комбинаторный знак мусульманской конфессии *бисмил-Лахи* («Во имя Аллаха») — два квадрата, пересекающихся под углом 45°. Авторы полагают, что, даже учитывая сложность визуального прочтения семантического элемента такого уровня, примененный сакральный знак все равно становится носителем содержания высшего порядка на уровне «оберега», легенды художественного образа, отражающим символику общеисламского характера. В многоминаретности нашла свое отражение легенда о восьмибашенной мечети Кул-Шариф XVI в. Главный купол обрел формы, ассоциирующиеся с образом «Казанской шапки» — короны Казанских ханов, увезенной в Москву после падения Казани и экспонирующейся ныне в Оружейной палате. Переплетающиеся конструкции стрельчатых арок, создающие каркасную основу здания, подчеркивают родство с каркасной конструкцией юрты — древнего жилища кочевых тюрок. Другим элементом художественного образа, органично вплетающимся в архитектуру здания, стал древнебулгарский знак возрождения и процветания — тюльпан.

Комплекс К.-Ш. будет не столько культовым, сколько культурно-просветительным и научным центром. В состав помещений включены: Музей исламской культуры Поволжья, Музей древних рукописей с научно-исследовательской частью, библиотека. Как и здание бывшего Благовещенского собора, мечеть находится на балансе музея-заповедника «Казанский кремль» и лишь дважды в год, по великим праздникам рамазан и корбан-байрам, будет открываться для всенародных молебнов.

К.-Ш. — уникальное современное культовое сооружение, синтезировавшее в образном и объемно-планировочном решениях достижения научных археологических, исторических, архитектурных исследований и современной архитектурно-строительной практики.

Х. Н., Н. Х.

Кулал (или Кулар; перс., «гончар», «горшечник»), *сайид амир* (ок. 1281–1370) — один из духовных авторитетов (*шайх*) суфийской школы х'аджаган, шестой в цепи духовной преемственности (*силсила*) этой школы. Имел четырех заместителей (*ханифа*) — в соответствии с традицией х'аджаган — и 114 последователей (*асхаб*). Изустно занимался наставлением своих последователей, не оставив, насколько известно, никаких собственных сочинений.

Сведения о К., дошедшие до нас в агиографических и исторических источниках XV–XVI вв., скудны, отчасти противоречивы и путанны. Согласно 'Али Ва'изу Кашифи (Рашахат, 1503 г.), он родился и умер в селении Сухари округа Бухара, а исходя из данных Макамат-и сайид амир Кулал, жития, составленного в большей части,

видимо, между 1406 и 1437 гг. правнуком *шайха* Шихаб ад-дином, можно заключить, что он родился в селении Афшана, где в то время с семьей проживал его отец *сайид амир* Хамза, а похоронен в селении Сухари. Тюркский *шайх сайид* 'Ата', часто навещавший дом *амира* Хамзы, предсказал рождение К., указав, что ему уготовано «великое будущее». В юности К. увлекался борьбой и все время проводил, участвуя в состязаниях, пока его однажды не приметил *шайх* Мухаммад-баба Саммаси (ум. в 1340 или 1354 г.). В результате К. стал «духовным сыном» (*фарзанд-и ма'нави*, *муридом*, а впоследствии — четвертым заместителем (*халифá*) этого *шайха*. *Шайх* Саммаси препоручил его заботам тогда еще своего «духовного сына» Баха' ад-дина Накшбанда, сказав: «Не жалея себя и не давая спуску себе в его духовном воспитании. Ежели ты проявишь нерадивость, то я не оставлю его у тебя».

Разные источники в сходных выражениях утверждают, что именно К. в процессе обучения раскрыл Баха' ад-дину мистический смысл таких понятий и технических терминов, как *зикр* (в частности, «тихий» *зикр* — *хафи*), *нисбат*, *суббат* и правила (*адаб*) мистического Пути, принятого в среде х'аджаган. Вместе с тем упоминается о размолвке между К. и Накшбандом в связи с решительным отказом последнего от отправления «публичного» ('*алани*), по-видимому «громкого», *зикра*. Впрочем, она не была длительной: спустя некоторое время К. лично обратился к Баха' ад-дину с просьбой попробовать силы в качестве наставника на своем старшем сыне *амире* Бурхане, который впоследствии стал «одним из великих сподвижников» Накшбанда. Этот эпизод можно рассматривать как косвенное указание на весьма серьезные разногласия, возникшие в тот период среди части последователей школы х'аджаган относительно: а) способа проговаривания *зикра* и б) традиции духовной преемственности. Четкое разъяснение сути расхождений по взглядам на *зикр* представлено в труде Мухаммада б. Ахмада б. Ас'ада ал-Бухари (сер. XIV в.) Маслак ал-'арифин: х'аджа Авлуйа'-ийн Кабир/Калан — один из *халифá* 'Абд ал-Халика ал-Гидждувани, прослышав, что х'аджа Махмуд Анджир Фагнави (ум. в 1272 или 1286 г.) — *халифá шайха* 'Арифа Ривгари (ум. в 1259 г.) — отправляет «громкий» *зикр* вопреки практике х'аджаган, прибыл из Бухары специально из-за этого. Однако его настойчивые увещания не возымели действия, и как х'аджа Махмуд, так и его последователи продолжали практиковать *зикр-и 'алани*. В числе последних был и *шайх* 'Али Рамитани (ум. в 1316 или 1321 г.) — учитель *шайха* Саммаси. Что касается второго аспекта расхождений, в той или иной степени прослеживаемого на протяжении всей истории х'аджаган-накшбандийца, то речь идет о противостоянии традиции наследственной передачи сана *шайха* от отца к сыну ненаследственной традиция духовной преемственности. Несостоятельность первой и продемонстрировал своему патрону Баха' ад-дин, когда сначала показал свое духовное превосхождение над сыном К., а затем фактически

увел того от отца в свою общину. Община самого К. превратилась в «побочную» ветвь х'аджаган, где с передачей духовного наследия другому сыну-заместителю *амиру* Хамзе стала доминировать традиция наследственной передачи сана *шайха*.

Согласно Макарат, Тимур (1336–1405), случайно встретившись с К., обратился к нему с просьбой о духовном покровительстве и благоговении во всех своих начинаниях. В том же плане рассказывает о покровительстве, которое К. оказал Тимуру, автор сфальсифицированного Тузукат-и Тимури (XVII в.). По свидетельству биографа *шайха* Ни'мат Аллаха Вали (1330–1431), цитирующего последнего, Тимур изгнал его из Мавараннахра по совету К.

Наряду с вышеизложенным ряд независимых от школы х'аджаган источников упоминает некоего *шайха* Шамс ад-дина из Кеша, современника К. Так, в Мукаддима-йи Зафар-нама (или Та'рих-и Джахангир), составленном Ибрахим-султаном в 1419 г., появляется фигура *шайха* Шамс ад-дина Кулара, в «'Аджа'иб ал-Макдур» Ибн 'Араб-шаха (1392–1450) — ал-Фахури (арабский эквивалент *нисбы* Кулал) — духовного пастыря Тимура, который прежде был «духовным сыном», учеником и одним из «великих сподвижников» К. Именно ему последний поручил духовное воспитание Тимура. Он проживал в Кеше (по другим сведениям — в Карши), и его часто навещал отец Тимура *амир* Тарагай (ум. зимой 1360 г.), ставший его *муридом*.

Этот *шайх* совершил *хаджж* пешком из Карши, он разделял взгляды *шайхов* иракской школы мистицизма, чью практику *муракаба* (концентрация внимания на процессе внутреннего видения) он распространил среди *суфиев* Мавараннахра (по другим сведениям, имел *хируку* братства сухрандийца). Тимур высоко чтит его память, считая *шайха* своим ходатаем перед Аллахом: в 1373–74 г. он перезахоронил прах отца рядом с его усыпальницей и, приезжая в Кеш, всегда посещал ее. Кашифи Ва'из посвятил *шайху* Шамс ад-дину отдельное сообщение.

Таким образом, можно констатировать, что как составитель Макарат, так и автор Рашахат сообщают о двух различных *шайхах*, носивших одну и ту же ремесленную *нисбу*, — К. Причем если 'Али Йазди и Ибн 'Араб-шах полагали К. выходцем из г. Кеша (Шахрисабза), то Кашифи Ва'из считал, что К. жил в г. Карши (Насафе).

В.В.Бартольд, сопоставив сведения всех доступных ему в ту пору источников, предположил, что, возможно, *сайид амир* К. и *шайх* Шамс ад-дин К. — одно и то же лицо. Этой же точки зрения придерживались М.В.Массон и Г.А.Пугаченкова.

Если принять во внимание, что Ва'из Кашифи приводит заметки о двух *шайхах*, использовав при этом данные, почерпнутые у Шихаб ад-дина (на которого он ссылается) и из Мукаддима-йи Зафар-нама (а также то, что: а) согласно Макарат, К. никогда не покидал пределов Мавараннахра, а значит, не совершал паломничества в Мекку и Медину, б) у *шайха* Шамс ад-дина возникли расхождения с Накшбандом (отчасти объ-

яняемые тем, что он придерживался традиций иракской школы мистицизма, в то время как его наставник К. расходился с Баха' ад-дином в отношении способа отправления *зикра*), в) *шайх Шамс ад-дин* был «духовным сыном» К. и был назначен последним духовным пастырем Тимура), то можно прийти к заключению, что практически синхронно в Мавараннахре функционировали два суфийских *шайха*. Один — «сельский» — *сайид амир* К., а другой — «городской», Шамс ад-дин К. Киши. Несомненно, что хронологическая близость их жизни и деятельности, одинаковая ремесленная *нисба*, а также скудость биографических данных о каждом из них привели к совмещению и переплетению их имен и вызвали путаницу в биографических источниках: произошла взаимная трансформация двух личностей.

Наконец, трудно представить, чтобы правнук известного *шайха*, посвятив труд децания своего предка, не знал его полного имени (в данном случае — *лакаба*). Располагая сведениями о существовании *шайха* Шамс ад-дина К., коего столь чтит Тимур, он, вполне допустимо, дабы придать авторитет и значимость своему предку, сознательно сделал его «духовным сыном» К., которого последний назначил духовным наставником Тимура. Это обстоятельство, однако, не исключает возможных контактов К. с Тимуром.

Вполне вероятно, что с течением времени два К. претерпели значительную трансформацию в памяти последующих поколений, слившись в единый образ, и в результате только один, «сельский» *шайх сайид амир* К. превратился в легендарного патрона почти всех гончаров Центральной Азии.

Лит-ра: *Али Йазди*. Зафар-нама, 83а, 254б, 287а, 345б, 350б, 456б; Макама-и сайид амир Кулал / Рук. СПбФ ИВ РАН. С 1562, 4а–6, 9б, 19б–28а, 80а–84а; *Djami 'Abd ar-Rahman*. The Nafahat al-Ons min Hadarat al-Qods, or the Lives of the Soofis by Mawlana Noor al-Din 'Abd al-Rahman Jami. Calcutta, 1859, 434–437, 440–441; *Кашифи*. Рашахат, 41–44, 52; *то же* / Рук. СПбФ ИВ РАН. С 315, 29б–31б, 36а–37б; *ан-Бухари*. Маслак, 7б–8а, 32а–б; Уложение Тимура. Таш., 1968, 101; *Matériaux pour la biographie de Shah Ni'matullah Wali. Kermani*. Texte persan publié avec une traduction par J. Aubin. Paris-Téhéran, 1956, 122–123; *Tamerlan or Timur, the Great Amir* / Transl. by J.H. Sanders. From the Arabic Life by Ahmed ibn Arabshah. L., 1936, 2–3; *В.В.Бартольд*. О погребении Тимура // *Бартольд*. Соч., II/2, 425–426; *он же*. Улугбек, 39–40; *Массон*, *Лузаченкова*. Шахрисяб, 52–53, 94, примеч. 139–142; *Е.М.Пещерева*. Гончарное производство Средней Азии. М.–Л., 1959, 318, 322; *Хисматулин*. Практика, 44–45, 68–69, 85.

О. А.

Курбанмурад-ишан — «святое» место, расположенное у северной окраины районного центра Геок-Тепе, в 44 км к западу от Ашхабада, близ шоссе Ашхабад–Красноводск (ныне — Туркменбаши). Одно из наиболее известных туркменских святых, связанных с захоронением известных представителей духовенства нового времени. На протяжении почти сорока лет автору довелось быть свидетелем

изменения облика К.-и. В 50–60-е гг. — обычный земляной могильный холм на кладбище XIX–XX вв. В изголовье — небольшой камень с надписью арабскими буквами *курбан мурад ишан*. В 70-е гг. вокруг могилы была воздвигнута кирпичная ограда высотой 2 м, внутри которой появился специальный шест для привязывания вотивных тряпочек. В начале 80-х гг. находившееся в 40 м от святилища подсобное помещение для хранения кладбищенского инвентаря переоборудовали в примитивную мечеть, связанную со «святым» местом (позже она была снесена). В 90-е гг., после провозглашения независимости Туркменистана, над могилой К.-и. был построен капитальный двухкупольный мавзолеем-мечеть.

Время образования святилища неизвестно, нет достоверных данных о дате смерти Курбанмурад-ишана. Последние документальные данные о нем относятся к маю 1881 г., когда он, будучи уже в годах, жил на востоке Туркменистана, в Мерве. Вряд ли К.-и. как «святое» место существовало в конце XIX — начале XX в.: в изданных в 1892 и 1904 гг. поаульных материалах по водопользованию у туркмен, где упоминаются все более или менее крупные святилища, оно не фигурирует. Рост популярности К.-и. приходится на конец 50-х — начало 60-х гг. XX в., когда это святилище стали активно использовать в своих интересах зрители (*мюджевюры*).

Курбанмурад-ишан (туркм. Курбанмурад-ишан), чье захоронение ныне широко почитается, происходил из наиболее многочисленного и сильного племени теке, по разным сообщениям учился в Бухаре и Хиве, а также в Аравии и Турции. Благодаря знаниям и рвению получил звание *ишана* и к середине 70-х гг. XIX в. стал наиболее влиятельным религиозным деятелем Южной Туркмении, каковым до Курбанмурад-ишана был его старший современник и соплеменник Ак-ишан. С другой стороны, в молодости он был известен как лихой предводитель *аламанов* — грабительских набегов на сопредельные области Ирана. В 1875 г., когда правитель Ахала, центральной части Южного Туркменистана, Нурберды-хан уехал по делам в Мерв, Курбанмурад-ишан попытался захватить власть, что привело к кровопролитному столкновению между ганджик и тильки — родами Курбанмурад-ишана и Нурберды-хана. С середины 70-х гг. Курбанмурад-ишан вместе с Керимберды-ишаном, спекулируя на религиозно-национальных чувствах и распространявшихся небывших об отношении царской администрации к исламу и мусульманскому населению Российской империи, под угрозой обвинения в измене исламу вынудил тех, кто первоначально был за мирное (при соблюдении определенных условий) вхождение Ахала в состав России, перейти на позиции заранее обреченного (из-за неравенства сил) вооруженного конфликта. Тогда же, в конце 1876 г., на состоявшемся в Иране, в местечке Фирюза, совещании правящей верхушки Ахала Курбанмурад-ишан агитировал собравшихся принять подданство феодальной Персии, куда в свое время сам же совершал набеги под предлогом борьбы «истин-